

Оскар Уайлд

Счастливым принц

На высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху до низу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный алый рубин сиял на рукоятке его шпаги.

Все восхищались Принцем.

— Он прекрасен, как флюгер-петух! — молвил некий городской советник, жаждавший прослыть за тонкого ценителя искусств. — Но, конечно, флюгер полезнее! — прибавил он тотчас же, опасаясь, что его уличат в непрактичности; а уж в этом он не был повинен.

— Постарайся быть похожим на Счастливого Принца! — убеждала нежная мать своего мальчугана, который все плакал, чтобы ему дали луну. — Счастливый Принц никогда не капризничает!

— Я рад, что на свете нашелся хоть единый счастливец! — бормотал гонимый судьбой горемыка, взирая на эту прекрасную статую.

— Ах, он совсем как ангел! — восхищались приютские девочки, толпою выходя из собора в ярко-пунцовых пелеринках и чистых белоснежных передниках.

— Откуда вы это знаете? — возразил учитель математики. — Ведь ангелов вы никогда не видали.

— О, мы часто их видим во сне! — отозвались приютские девочки, и учитель математики нахмурился и сурово взглянул на них: ему не нравилось, что дети видят сны.

Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка. Ее подруги, вот уже седьмая неделя, как улетели в Египет, а она задержалась тут, потому что была влюблена в гибкую красавицу-тростинку. Еще ранней весною она увидела ее, гоняясь за желтым большим мотыльком, да так и застыла, внезапно прельщенная стройностью ее девичьего стана.

— Хочешь, я полюблю тебя? — спросила Ласточка с первого слова, так как любила во всем прямоту; и тростинка поклонилась ей в ответ.

Тогда Ласточка стала кружиться над нею, изредка касаясь воды и, оставляя за собой серебряные струи. Так она выражала любовь. И так продолжалось все лето.

— Что за нелепая связь! — щебетали остальные ласточки. — Ведь у тростинки ни гроша за душою и целая куча родственников.

Действительно, вся эта речка густо заросла камышом. Потом наступила осень, и ласточки все улетали.

Когда все они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротой, и эта привязанность к тростинке показалась ей очень тягостна.

— Боже мой, ведь она как немая, ни слова не добьешься от нее, — говорила с упреком Ласточка: — и я боюсь, что она кокетка: флиртует со всяким ветерком.

И правда, чуть только ветер, тростинка так и гнется, так и кланяется.

— Пускай она домоседка, но ведь я-то люблю путешествовать, и моей жене не мешало бы тоже любить путешествия.

— Ну что же, полетишь ты со мною? — наконец спросила она, но тростинка только головой покачала; она так была привязана к дому!

— Ах, ты играла моею любовью! — крикнула Ласточка. — Прощай же, я лечу к пирамидам! — И она улетела. Целый день летела она и к ночи прибыла в городе.

— Где бы мне здесь остановиться? — задумалась Ласточка. — Надеюсь, город уже приготовился достойно встретить меня?

Тут она увидела статую за высокой колонной.

— Вот и отлично. Я здесь и устроюсь: прекрасное местоположение и много свежего воздуха.

И она приютилась у ног Счастливого Принца:

— У меня золотая спальня! — разнеженно сказала она, озираясь. И она уже расположилась ко сну и спрятала головку под крыло, как вдруг на нее упала какая-то тяжелая капля.

— Как странно! — удивилась она. — На небе ни единого облачка. Звезды такие чистые, ясные, — откуда же взяться дождю? Этот северный климат Европы ужасен. Моя тростинка любила дождь, но она ведь такая эгоистка.

Тут упала другая капля.

— Какая же польза от статуи, если она даже от дождя неспособна укрыть. Поищу-ка себе пристанища где-нибудь у трубы на крыше. — И Ласточка решила улетать.

Но не расправила она еще крыльев, как упала и третья капля.

Ласточка посмотрела вверх, и что же увидела она!

Глаза Счастливого Принца были наполнены слезами. Слезы катились по его золоченым щекам. И так прекрасно было его лицо в сиянии лунных лучей, что Ласточка преисполнилась жалостью.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Я Счастливый Принц.

— Но зачем же ты плачешь? Ты меня промочил насквозь.

— Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слезы, — ответила статуя. — Я жил во дворце San-Souci, куда скорби вход воспрещен. Днем я в саду забавлялся с товарищами, а вечером я танцевал в главной зале. Сад был окружен высокой стеною, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня все было так роскошно! «Счастливый Принц» — величали меня приближенные, и вправду я был счастливый, если только в наслажденьях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже не живой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета, какая только есть в моей столице. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слез.

«А, так ты не весь золотой!» — подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

— Там, далеко, в переулке, я вижу убогий дом, — продолжала статуя тихим мелодическим голосом. — Одно окошко открыто, и мне видна женщина, сидящая возле стола. Лицо у нее изможденное, руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иголкой, потому что она швея. Она вышивает цветы страстоцветы на шелковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы, для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, ее больное дитя. Ее мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. У матери же нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет. Ласточка, Ласточка, крошка-Ласточка! Не снесешь ли ты ей рубин из моей шпаги? Ноги мои прикованы к моему пьедесталу, и я не в силах сдвинуться с места.

— Меня ждут, не дождутся в Египте, — ответила Ласточка. — Мои подруги кружатся над Нилом и беседуют с пышными лотосами. Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу великого царя. Там почивает он сам, фараон, в своем роскошном гробу. Он закутан в желтые ткани и набальзамирован благовонными травами. Шея у него обвита бледно-зеленой нефритовой цепью, а руки его, как осенние листья.

— Ласточка, Ласточка, крошка-Ласточка! Останься здесь на одну только ночь и будь моею посланницей. Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна.

— Не очень-то мне по сердцу мальчишки. Прошлым летом, когда я жила над ракою, дети мельника, злые мальчишки, швыряли в меня камнями. Конечно, где им попасть! Мы, ласточки, слишком увертливы. К тому же мой род знаменит быстротой, но все же в этом швырянии камней, по-моему, мало почтительности.

Однако Счастливый Принц был так опечален, что Ласточка пожалела его.

— Здесь очень холодно, — сказала она: — но ничего, эту ночь я останусь с тобою и буду у тебя на посылках.

— Благодарю тебя, крошка-Ласточка, — молвил Счастливый Принц.

И вот Ласточка выклевала крупный рубин из шпаги Счастливого Принца и полетела с этим рубином над городскими крышами. Она пролетала над колокольной собора, где беломраморные изваяния ангелов. Она пролетала над королевским дворцом и слышала звуки танцев. На балкон вышла красивая девушка, и с нею ее возлюбленный.

— Какое чудо эти звезды, — сказал ей возлюбленный — и какое чудо власть любви.

— Надеюсь, мое платье поспеет к придворному балу, — ответила она ему. — Я велела на нем вышить страстоцветы, но швеи ведь так ленивы.

Она пролетала над ракою и видела огни на корабельных мачтах. Она пролетала над Гетто и видела старых евреев, заключающих между собою сделки и взвешивающих монеты на медных весах. И, наконец, она прилетала к убогому дому и посмотрела туда. Мальчик метался в жару, а мать его крепко заснула, — она так была утомлена. Ласточка пробралась в каморку и положила рубин на стол, рядом с наперстком швеи. Потом она стала беззвучно кружиться над мальчиком, навевая на его лицо прохладу.

— Как мне стало прохладно! — сказал ребенок. — Значит, я скоро поправлюсь. — И он впал в приятную дремоту.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всем.

— И странно, — прибавила она: — хотя на дворе и стужа, мне теперь нисколько не холодно.

— Это потому, что ты сделала доброе дело, — объяснил ей Счастливый Принц.

И Ласточка задумалась над этим, но тотчас же задремала. Стоило ей задуматься, и она впадала в дремоту.

На рассвете она полетела на речку купаться.

— Странное, необъяснимое явление! — сказал профессор орнитологии, проходивший в ту пору по мосту. — Ласточка — среди зимы!

И он напечатал об этом в одной из местных газет пространное письмо в редакцию. Все цитировали это письмо: оно было наполнено словами, которых ни один не понимал.

«Сегодня же ночью — в Египет!» — подумала Ласточка, и сразу ей стало весело.

Она осмотрела весь город, каждый общественный памятник и долго сидела на шпиле соборной колокольни. Куда бы она ни явилась, воробьи принимались чирикать: «что за чужак! что за чужак!» — и звали ее знатной иностранкой, что было для нее чрезвычайно лестно.

Когда же вошла луна, Ласточка вернулась к Счастливому принцу.

— Нет ли у тебя поручений в Египет? — громко спросила она. — Я сию минуту улетаю.

— Ласточка, Ласточка, крошка-Ласточка! — молвил Счастливый Принц. — Останься на одну только ночь.

— Меня ожидают в Египте, — ответила Ласточка. — Завтра подруги мои полетят на вторые пороги Нила. Там гиппопотамы лежать в тростниках, и на великом гранитном престоле восседает там бог Мемнон. Всю ночь он глядит на звезды, а когда засияет денница, он приветствует ее радостным кликом. В полдень желтые львы сходят к реке на водопой. Глаза у них — зеленые бериллы, а рев их громче, чем рев водопада.

— Ласточка, Ласточка, крошка-Ласточка! — молвил Счастливый Принц. — Там, далеко, за городом я вижу в мансарде юношу. Он склонился над столом, над бумагами. Перед ним завядшие фиалки. Его губы алы, как гранаты, его черные волосы вьются, а глаза его больше и мечтательные. Он торопится закончить свою пьесу для директора театра, но он слишком озяб, огонь догорел у него в очаге, и от голода он лишается чувств.

— Хорошо, я останусь с тобой до утра! — сказала Ласточка Принцу. У нее, в сущности, было доброе сердце. — Где же у тебя другой рубин?

— Нет у меня больше рубинов, увы! — молвил Счастливый Принц. — Мои глаза — это все, что осталось. Они сделаны из редкостных сапфиров и тысячу лет назад были привезены из Индии. Выключь один из них и отнеси к тому человеку. Он продаст его ювелиру и купит себе пищи и дров, и закончить свою пьесу.

— Милый Принц, я этого не сделаю! — И Ласточка стала плакать.

— Ласточка, Ласточка, крошка-Ласточка! Исполни волю мою!

И выклевала Ласточка у Счастливого Принца глаз и полетела к жилищу поэта. Ей было нетрудно проникнуть туда, ибо крыша была дырявая. Юноша сидел, закрыв лицо руками, и не слышал трепетания крыльев. Только потом он заметил сапфир в пучке увядших фиалок.

— Однако меня начинают ценить! — радостно крикнул он. — Это от какого-нибудь знатного поклонника. Теперь-то я могу окончить мою пьесу! — И счастье было на лице у него.

А утром Ласточка отправилась в гавань. Она села на мачту большого корабля и стала оттуда смотреть, как матросы выгружали веревками из трюма какие-то ящики.

— Дружнее! Дружнее! — кричали они, когда ящик поднимался вверх.

— А я улетаю в Египет! — сообщила им Ласточка, но на нее никто не обратил внимания.

Только вечером, когда взошла луна, она возвратилась к Принцу.

— Теперь уже, наверное, прощай! — издали закричала она.

— Ласточка, Ласточка, крошка-Ласточка! — отозвался Счастливый Принц. — Не останешься ли ты до утра?

— Теперь зима, — ответила Ласточка, — и скоро здесь пойдет холодный снег. А в Египте теплое солнце на зелени пальм, и крокодилы вытянулись в тине и лениво глядят по сторонам. Мои подруги вьют уже гнезда в Баальбековом храме, а белые и розовые голуби смотрят на них и воркуют. Милый Принц, я не могу остаться, но я никогда не забуду тебя и, когда наступит весна, я принесу тебе оттуда, из Египта, два драгоценных камня, вместо тех, которые ты отдал. Алее, чем алая роза, будет рубин у тебя и сапфир голубее волны.

— Внизу, на бульваре, — молвил Счастливый Принц, — стоит маленькая девочка со спичками. Она уронила их в канаву, они испортились, и ее отец прибьет ее, если она возвратится без денег. Она плачет. У нее ни башмаков, ни чулок, и голова у нее непокрытая. Выключи другой мой глаз, отдай его девочке, и отец не тронет ее.

— Я могу остаться с тобою, — ответила Ласточка, — но выклеивать твой глаз не могу. Ведь тогда ты будешь слепой.

— Ласточка, Ласточка, крошка-Ласточка! — молвил Счастливый Принц, — исполни волю мою.

И выклеивала снова у Принца маленькая Ласточка глаз, и подлетала к девочке и уронила ей сокровище в руку.

— Какое красивое стеклышко! — воскликнула маленькая девочка и, смеясь, побежала домой.

Ласточка возвратилась к Принцу.

— Теперь, когда ты слепой, я останусь с тобою навски.

— Нет, моя милая Ласточка, — ответил несчастный Принц: — ты должна отправиться в Египет.

— Я останусь с тобой навеки, — сказала Ласточка и уснула у ног его.

А с утра целый день просидела она у него на плече и рассказывала ему о том, что видела в далеких краях: о розовых ибисах, которые длинной фалангой стоят вдоль Нильского берега и клювами вылавливают золотую рыбку; о Сфинксе, старом, как мир, живущем в пустыне и знающем все; о купцах, которые медленно шествуют рядом со своими верблюдами, с янтарными метками в руках; о Царе Лунных гор, который черен, как черное дерево, и поклоняется большому куску хрусталя; о великом Зеленом Змее, спящем в пальмовом дереве: нужно двадцать жрецов, чтоб кормить его медовыми пряниками; о пигмеях, что плавают по озеру на плоских широких листьях и вечно сражаются с бабочками.

— Милая Ласточка, — молвил Счастливый Принц, — обо многом удивительном рассказываешь ты. Но самое удивительное в мире это — людские страдания. Нет чуда чудеснее нужды. Облети же, милая, мой город и расскажи мне все, что ты увидишь там.

И Ласточка полетала над столицей и видела, как в пышных палатах ликуют богатые, а

бедные сидят у их порога. В темных закоулках побывала она и видела бледные личики истощенных детей, печально глядящих на черную улицу. Под мостом два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреться.

— Нам хочется есть! — повторяли они.

— Здесь не полагается валяться! — закричал на них сторож. И снова они вышли под дождь.

Ласточка возвратилась к Принцу и поведала все, что видела.

— Я весь позолоченный, — молвил Счастливый Принц. — Сними с меня золото, листок за листком, и раздай его тем, кто нуждается. Люди, куда живут, думают, что в золоте счастье.

Листок за листком Ласточка снимала со статуи золото, куда Счастливый Принц не сделался тусклым и блеклым. Листок за листком раздавала она его чистое золото бедным, и детские щеки розовели, и дети начинали смеяться и затевали на улицах игры.

— А у нас есть хлеб! — кричали они.

Потом пришел снег, а за снегом пришел и мороз. Как серебряные сделались улицы, сверкающие и блестящие; сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на крышах домов; все закуталось в шубы, и мальчики в красных шапочках катались по льду на коньках.

Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но Принца не хотела покинуть, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но наконец она поняла, что настало ей время умирать. Только у нее и хватило силы — в последний раз взобраться Принцу на плечо.

— Прощай, милый Принц! — прошептала она. — Ты позволишь мне поцеловать твою руку?

— Я рад, что ты наконец улетаешь в Египет, — ответил Счастливый Принц. — Ты слишком долго здесь оставалась; но ты должна поцеловать меня в губы, потому что я люблю тебя.

— Не в Египет я улетаю, — ответила Ласточка. — Я улетаю в обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья? И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам. И в ту же минуту страшный треск раздался у статуи внутри, словно что-то там разорвалось. Это расколосось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз.

Рано утром внизу на бульваре гулял городской голова, а с ним городские советники. Проходя мимо колонны Принца, голова посмотрел на статую.

— Боже! Какой стал оборвыш этот Счастливый Принц! — воскликнул городской голова.

— Именно, именно оборвыш! — подхватили городские советники, всегда с головой соглашающиеся.

И они приблизились к статуе, чтобы ее осмотреть.

— Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, — продолжал городской голова. — Он хуже любого нищего!

— Именно, хуже нищего! — подтвердили городские советники.

— А у ног его валяется какая-то мертвая птица. Нам следовало бы издать постановление: птицам здесь умирать воспрещается.

И секретарь городского совета тотчас же занес это предложение в книгу.

И свергли статую Счастливого Принца.

— В нем уже нет красоты, а стало быть, нет и пользы! — говорил в университете профессор эстетики.

И расплавили статую в горне, и созвал голова городской совет, и решали, что делать с металлом. — Сделаем новую статую! — предложил городской голова. — И эта новая статуя пускай изображает меня!

— Меня! — сказал каждый советник, и все они стали ссориться. Недавно мне довелось о них слышать: они ссорятся и доныне.

— Удивительно! — сказал главный литейщик. — Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны его выбросить вон.

И швырнули его в кучу сора, где лежала и мертвая Ласточка.

И повелел Господь ангелу Своему:

— Принеси Мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес Ему ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

— Справедливо ты выбрал, — сказал Господь. — Ибо в Моих райских садах эта малая пташка будет теперь во веки веков, а в Моем золотом чертоге Счастливый Принц будет воздавать Мне хвалу.